

Л. В. Кангаспуро

Тюремная этнополитика и практика в Российской империи после Великих реформ*

Начавшаяся в исследуемый период масштабная модернизация Российской империи не могла не затронуть пенитенциарную систему. Слишком велика историческая связь русской повседневной жизни и культуры с тюрьмой! Давно подмечено, что в исторической памяти почти каждого россиянина так или иначе присутствовала тема тюрьмы¹. Двойственность и непоследовательность царской национальной тюремной политики выражалась, с одной стороны, в провозглашаемом равенстве этносов в исполнении наказания, с другой стороны, не учитывались национальные особенности заключенных. Борьба администрации мест заключения с побегами, несоответствующее размещение заключенных по категориям, которое было связано с переполнением тюрем, плохим их устройством, недостаточным питанием, уровнем медицинской помощи и т.д., — круг этих первоочередных проблем на государственном уровне ставил правильную организацию пенитенциарной этнополитики на второстепенное место. Национальный характер населения и местности придавали организации и ведению тюремного дела свой отпечаток, что не было существенно в рамках всей империи.

* Статья публикуется в рамках выполнения проекта, получившего финансирование от Европейского исследовательского совета (ERC) в рамках программы исследований и инноваций Horizon 2020 Европейского союза (грантовое соглашение № 78844).

Первое предварительное исследование мной было выполнено несколько лет назад. Его результаты были представлены в одноименном докладе, сделанном в совместно организованной секции с проф. Д. Паллот и доктором Е. Катц на Мировом конгрессе Международного совета по изучению Центральной и Восточной Европы (ICSEES), прошедшем в 2015 г. в Японии. Следует подчеркнуть: тема статьи связана с положением заключенных национальных меньшинств в общеуголовных тюрьмах империи в указанный период. Как правило, подобные тюрьмы размещались на территории центральной России. На мой взгляд, осуществлявшуюся царскими властями в ссылке и каторге в Сибири и на Сахалине этнополитику необходимо рассматривать отдельно. Нельзя не учитывать сильного влияния колониального фактора в политике империи.

Начавшиеся «Великие реформы» в первую очередь поставили перед властью вопрос построения гражданского общества и как следствие, обеспечения равенства всех сословий перед законом. Основной предпосылкой тюремной реформы была необходимость ликвидации принципа сословности в режиме отбывания наказания. Судебная реформа повысила роль тюрьмы как карательной меры формально в равной степени для всех категорий населения империи.

Именно в этот исторический период тюрьма становится предметом пристального внимания современников, как государственных деятелей, так и публицистов, а впоследствии тюремоведов. Была проведена тюремная реформа, и в 1879 г. создано Главное тюремное управление. Несмотря на обширную историографию русской тюрьмы, специальной литературы о пенитенциарной этнополитике, к сожалению, не было и нет. Отдельные исследования, даже небольшие статьи, отсутствуют как в дореволюционной литературе, так и в современной. Исключение составляет одна страница короткой главы из много томного исследования, осуществленного известным исследователем царской тюрьмы М. Н. Гернетом, утверждавшим: «При тех “законных” ограничениях, которые были установлены в Своде законов для нерусских народностей, тюремная практика еще шире раскрывала свой произвол по отношению к заключенным из угнетенных национальностей»². Характеристику этнической преступности дал русский этнограф С. В. Максимов в книге «Сибирь и каторга»³ в главе «Общие выводы». Но о какой-либо специальной практике содержания их в местах лишения свободы нет ни строчки.

Несколько небольших статей, опубликованных за последние несколько лет, касаются содержания в тюрьмах татар в местах их исторического проживания. Одна монография об украинцах опубликована на украинском языке. Вполне возможно, что есть и другие, опубликованные на национальных языках, которые мне, к сожалению, недоступны. Поэтому пришлось обратиться к первоисточникам, т. е. законодательным актам, официальным отчетам, статистическим и архивным материалам.

В последние десятилетия XIX в. национальность как «классификационный принцип» впервые стала важным фактором российской имперской политики.

Однако структурировать весьма пеструю этнокультурную мозаику было достаточно сложно. Не было ясности и в классификации разных этнических общностей, уникально переплетавшихся на территории разных районов огромной страны.

В понятии «империя» известный исследователь царского национализма А. Миллер, среди прочего, указывает на «пространство, где различные этнические группы взаимодействуют между собой и с властями»⁴. В соответствии с определением закона население Российской империи было разделено на «природных подданных» и «иностранцев». В свою очередь, к иностранцам относили обычно кочевые народы, проживавшие на территории Казахстана и Сибири. Однако на практике вплоть до 1917 г. так называли представителей всех неславянских народов⁵. Законодательная регламентация их жизни осуществлялась посредством Устава «Об управлении иностранцев» от 1822 г.⁶ Формально законодательство Российской империи почти не знало правовых ограничений по национальному признаку. Официальных документов, регламентирующих национальную политику, не существовало. Эта политика складывалась всегда в отношении конкретных конфессий и народов на определенном этапе⁷. Законом были ограничены в правах евреи, а с 1864 г. поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения мусульман. Правовые ограничения действовали на основе конфессиональных различий и степени владения государственным (русским) языком. Однако поскольку конфессиональные различия в основном совпадали с национальными, различные ограничения и притеснения получали этническую направленность и служили негативным фактором в отношениях между государством и «иностранцами», воспринимавшими их как дискриминацию⁸. Объем ограничений не был одинаковым в разное время: их было меньше в царствование Александра I и Александра II, больше при Александре III и Николае II⁹.

Империя также не имела общей кодификации, устанавливающей единые и четкие принципы тюремного управления на местах. До свержения самодержавия действовали: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей 1886 и 1890 гг., Общая тюремная инструкция 1915 г., на которую как на проект ориентировались уже с 1912 г., а также многочисленные циркуляры Главного тюремного управления¹⁰. Такую ситуацию нельзя было признать удовлетворительной. Это не могло не привести к различного рода коллизиям правовых норм, повлекшим нарушения не только на окраинах, но и на всей территории России, о чем свидетельствовали материалы ревизий столичных чиновников¹¹.

Деление арестантов на различные категории не предусматривало деление по национальному признаку, только по религиозному. Так, например, в ежегодных отчетах начальников губернской и уездных тюрем, представлявшихся прокурору Новгородского окружного суда (в данном контексте Новгородская губерния взята как среднестатистическая в центральной части Российской империи, которую населяли в основном русские), указывалось: «среди заключенных

большинство составляли православные, однако, были и католики, и лютеране, и арестанты, не принадлежавшие ни к какой вере исповедания»¹².

Центральная государственная власть в местах заключения на окраинах, так же как и в остальных местностях империи, осуществлялась Главным тюремным управлением. С начала 1890-х гг. губернские тюремные инспекторы проводили на местах пенитенциарные преобразования от лица центрального ведомства, которые были определены тюремной реформой. Особенно власть волновала надежность тюремных чинов из национальных меньшинств в случае бунтов и революционных событий. Считалось, что голос крови окажется сильнее чувства долга в отношении заключенных-соплеменников в случае вооруженных конфликтов. Однако если взглянуть на Список чинов тюремного ведомства или Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах¹³, станет очевидным, что на местах служили преимущественно местные.

После событий 1905 г. должность начальника тюрьмы из-за активной деятельности революционных террористов считалась одной из самых опасных. Тезис о злоупотреблении властью титульной нацией в тюрьме даже на нижнем уровне вызывает сомнения. Больше это зависело от личностных характеристик. Известны лишь случаи предумышленно неверного перевода жалоб заключенных, не владевших русским языком. Но говорить о этом как массовом явлении не приходится. Подозрение о неверности нерусских, служивших не только на инородческих территориях, также не нашло подтверждения. Среди начальников тюрем и их помощников было достаточное число немцев и поляков. Как пишет один из корреспондентов «Тюремного вестника», центрального печатного органа Главного тюремного управления, о тюрьме во Львове: «Тюремная администрация — люди вполне интеллигентные и образованные, все хорошо говорили по-русски»¹⁴.

Климатические особенности огромной страны негативно влияли на обе стороны в тюрьме, как на администрацию, так и на заключенных. М. Н. Гернет указывал на особо тяжелые условия для южан¹⁵. Но современные авторы обращают внимание на климатические условия Закавказья, Крыма, Средней Азии и Северного Кавказа, Дальнего Востока как на причину высокой смертности служащих из европейской части России¹⁶. На главный бич русской тюрьмы указывал широко известный в России американский журналист Дж. Кеннан. Страшнее всего было то, что практически всё зависело от личности начальника тюрьмы и даже от простого надзирателя. Его слова подтверждает русский тюремный практик, служивший более 20 лет в тюрьмах империи: «...не нашлось бы и двух тюрем, управляемых одинаково. Режим есть дело личной инициативы начальника тюрьмы»¹⁷.

Из нормативных актов, имевших большое практическое и общеимперское значение, следует отметить закон от 1886 г. об арестантском труде¹⁸. Впервые идея гуманного отношения к заключенным и их исправления через труд была

провозглашена на государственном уровне. Новый закон, определяя количество рабочих часов, обязательных для заключенного, с точностью указывал те дни, в которые заключенные могли быть освобождены от работ: «Арестанты прочих исповеданий <...> в те дни, празднование которых установлено исповедуемыми сими арестантами религиями, с тем, чтобы общее число этих дней не превышало числа празднеств, в которые освобождены от работ арестанты христианского исповедания соответствующего разряда»¹⁹.

Другое основное проявление политики русификации — это гонения на веру, национальную культуру и язык. В конце XIX в. православие являлось самой многочисленной конфессией в России²⁰. Царское правительство отдавало большое предпочтение священникам в деле исправления и нравственного воспитания заключенных. Мусульмане не без оснований ожидали в тюрьме сложностей с соблюдением религиозных норм (рацион питания, распорядок дня, возможность соблюдать обряды и т. д.). Однако уже в конце XIX в., до принятия закона 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»²¹, в Новгородскую губернскую тюрьму приглашались священники других конфессий. В отчете Казанской тюремной инспекции за 1900 г. констатировалось: «Тюрьмы посещали как служители церкви, так и муллы»²². Предписания «Общей тюремной инструкции» обязывали начальников тюрем отводить отдельные помещения для молитв заключенных нехристианских религий, освобождать их от посещения церкви, а также приглашать в тюрьмы священников других христианских вероисповеданий. Что на практике было введено намного раньше.

О преподавании национального языка и основ исповедуемой религии для инородцев в тюрьмах центральной России говорить не приходится. Но в местностях с преобладанием этнического населения такие попытки предпринимались. Например, в Казанском воспитательно-исправительном ремесленном приюте для малолетних преступников «наряду с изучением закона божиего и русского языка, татары-мусульмане, кроме обучения русской грамоте, занимались изучением мусульманской религии и арабской письменности под руководством муллы, посещающего приют два раза в неделю в послеобеденное время»²³.

Никаких ограничений прав по национальному признаку в отношении украинцев и белорусов не было. Напротив, правительственная политика стремилась достичь полного слияния украинцев с русскими. Эти промышленно отсталые окраины отличались особыми аграрными условиями. А наименьшее число осужденных в пределах Европейской России наблюдалось в центральном черноземном районе и вообще в земледельческой непромышленной полосе²⁴.

Западные губернии с преобладанием украинского и белорусского населения по количеству и видам карательных учреждений, характеру управления ими не выделялись среди других регионов европейской России. Во второй половине XIX — начале XX в. там образовалась общеимперская система мест лишения свободы, определенная Уложением о наказаниях уголовных и исправительных

1845 г.²⁵ В пореформенный период пенитенциарная система в этих регионах не имела законодательных особенностей и функционировала в едином правовом поле империи вплоть до 1917 г.²⁶

На Кавказе действовали общероссийские законы. Тем не менее, помимо общероссийского права всегда действовали нормы местного религиозного права и обычаи²⁷. Характерно, что на национальных окраинах взыскиваемые судами денежные средства направлялись на обустройство местных тюрем.

Общим для Финляндии и Польши являлось то, что в состав России вошли территории, в социально-экономическом и культурном отношении ориентированные на западноевропейскую цивилизацию, и в этом же плане существенно отличавшиеся от великорусских губерний. Тюремной реформой в Великом княжестве Финляндском автор специально занимался на протяжении последнего времени²⁸, поэтому с определенностью может сказать, что эволюция карательной системы в Финляндии во многом была определена становлением ее государственной автономии в рамках Российской империи, но пенитенциарное законодательство России не оказало на нее заметного влияния. Проведение тюремной реформы в княжестве отличалось особенной эффективностью. Была создана одна из лучших в мире пенитенциарных систем, которая действует и по сей день. Сейм ежегодно выделял значительные суммы на улучшение состояния тюрем. В конце XIX в. в финских тюрьмах было больше мест, чем в среднем заключенных. Ссылка исчезла из финляндской системы наказаний. Поскольку в теоретико-правовом отношении финляндская уголовная кодификация 1889 г., включающая нормы исполнения наказания, была одной из самых передовых среди европейских стран, то царскому правительству пришлось удовлетвориться лишь незначительными изменениями. Пенитенциарные преобразования в Финляндии носили опережающий характер по сравнению с изменениями в империи.

Масштабная модернизация Российской империи не могла не затронуть пенитенциарную систему. Главное тюремное управление в 1914 г. опубликовало «Перечень законоположений по тюремной части в очерке деятельности Управления за первые 35 лет его существования»²⁹. Предшествовавшие этому двадцать лет в истории империи были периодом всплеска уголовной преступности. Вступление России в полосу капиталистического развития совпало по времени с развитием нового этапа в русском освободительном движении. Появление в местах заключения новой категории преступников вызывало у правительства особенную озабоченность.

Как и всякое явление, приход русских имел для окружающих народов и позитивные, и негативные последствия. С одной стороны, русские прекратили постоянные войны, и регионы смогли мирно развиваться. С другой стороны, имели место произвол и злоупотребление властью со стороны администрации по отношению к местным народам. Это не было исключением и для русского народа. Присоединение различных территорий к империи означало не только объединение различных народов с русским, но и подчинение этого народа российскому самодержавию³⁰. Власть была враждебна инородцам. Однако современные исследователи отмечают, что этнонациональная правовая политика Российской империи в целом проводилась достаточно эффективно. Следствием этой политики явилось практиче-

ское отсутствие крупных национально-освободительных движений. Исключение составили польские восстания 1831 и 1863 гг.³¹

Основанная на рассмотренных выше установках политика в области инородческого вопроса выглядела внутренне противоречивой. Двойственность и непоследовательность царской национальной тюремной политики выражалась, с одной стороны, в провозглашаемом равенстве этносов в исполнении наказания, с другой стороны, не учитывались национальные особенности заключенных. Также консерватизм, доминирующий в уголовной политике царизма в конце XIX — начале XX в., и постоянная нехватка финансовых средств не позволяли в полной мере использовать пенитенциарный опыт передовых западноевропейских государств в полном объеме³².

Внутри самой тюрьмы, как и в обычной жизни той эпохи, привилегированное происхождение было важнее национального. Более актуальным было деление арестантов по сословиям и материальному положению, на уголовников и политических. Невзирая на национальность, тюремный мир имел свою классификацию³³. В тюрьмах губернии существовала прочная «тюремная община». Однако национальные диаспоры в тюрьме еще не сформировались. О влиянии этнических заключенных говорить не приходится, потому что этнокриминал не преобладал в преступной среде империи.

Национальный характер народа и местности накладывали на некоторые стороны организации и ведения тюремного дела свой отпечаток, но это не было существенно в рамках всей империи.

Директор Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах П. А. Кашкаров объективно заметил, что «тюрьма — это барометр, показывающий состояние умственного и нравственного уровня народа»³⁴.

¹ Кушниц М. Тюрьма в России больше, чем тюрьма // Родина. 2006. № 8. С. 22.

² Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. С. 369.

³ Максимов С. В. Сибирь и каторга: В 3 ч. СПб., 1871.

⁴ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006; 2010. С. 1.

⁵ Добромыслов В. В. Иногородцы в России. М., 1907.

⁶ Полный свод законов Российской империи. Т. 38. СПб., 1830. С. 394–411.

⁷ См: Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998.

⁸ См: Аманжолова Д. А. Из истории межэтнических конфликтов в России (1905–1916 гг.) // Международный исторический журнал. 2002. № 20.

⁹ Копыловский Г. С. К истории национального вопроса в России // Сборник докладов, сделанных на международной конференции по проблемам защиты от посягательств на национальное равноправие и ответственности за разжигание межнациональной розни, состоявшейся в июне 1992 г. в Санкт-Петербурге / Сост. Ю. М. Шмидт. [Электронный ресурс]. http://www.memo.ru/hr/referats/hatespch/kis_kop.htm

¹⁰ Сборник циркуляров по Главному тюремному управлению (1879–1910): В 2 ч. СПб., 1911.

¹¹ Тюремное дело. Отчет по ревизии Туркестанского края, производимый сенатором графом Паленом К. К. СПб., 1910. С. 125.

¹² Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.

¹³ Список чинов тюремного ведомства. СПб., 1908; Список лиц, служащих по ведомству Министерства Внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. Ч. 2. Испр. по 15 Октября 1894 г. СПб., 1894; и др.

¹⁴ Малиновский. Тюрьма в гор. Львове // Тюремный вестник (СПб.). 1916. № 8–9. С. 859–861.

¹⁵ В особо тяжелых условиях оказывались южане: кавказские горцы, грузины, армяне и пр. Для отбывания наказания, связанного с лишением свободы на длительные сроки, их направляли в губернии с холодным климатом, где им грозило заболевание туберкулезом. В таких случаях тюрьма для них становилась замаскированной смертной казнью. С. 391.

¹⁶ Лапин В. В. Национальный вопрос и проблема «надежности» в армии России (XIX — начало XX века) // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследование, историография, источники. СПб., 2009. С. 127.

- ¹⁷ Журчалю Я. Современная тюрьма и ее особенности. СПб., 1910.
- ¹⁸ 6 января 1886 г. — «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов».
- ¹⁹ Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗ). Т. 6. Ч. 1. № 3447.
- ²⁰ Согласно переписи 1897 г., православные христиане, включая старообрядцев, составляли 71 % населения страны. Законы Российской империи отводили православию роль господствующей религии, в то время как другие исповедания имели статус «терпимых».
- ²¹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 25 (1905). № 26125.
- ²² Горбунов В. А. Реформа системы исправления и нравственного воспитания арестантов в местах лишения свободы в казанской губернии в XIX в. // Государство и право. 2008. № 4. С. 101.
- ²³ Там же. С. 102.
- ²⁴ Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С. 4.
- ²⁵ Орфинская (Кангаспуру) Л. В. Тюремное дело на Украине накануне 1917 года // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года: Материалы международной научно-теоретической конференции 3–4 октября 2005 г. СПб., 2006. С. 72–86; Пени-тенциарные учреждения в Украине в годы Первой мировой войны // Науково-історичні читання присвячені 140-річчю з дня народження М. С. Грушевського. 22 грудня 2006 р. Ніжин, 2007. С. 99–117.
- ²⁶ Соцкий Ю. Ф. Пени-тенциарные учреждения Российской империи в Украине: вторая половина XIX — начало XX в. // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах / Под общ. ред. Ю. А. Реента. Вып. 6. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 74.
- ²⁷ Там же. С. 160.
- ²⁸ Автором опубликовано несколько статей на эту тему: Сравнительный анализ правового положения пенитенциарных учреждений в России и Финляндии в 19 — начале 20 в. // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008. С. 291–297; Управление тюремным делом в Великом княжестве Финляндском в 19 в. // Территориальные органы управления уголовно-исполнительной системы: опыт формирования и функционирования (XIX–XX вв.): Сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 9 апреля 2008 г.). Вологда, 2009; Русскоязычные документы о финляндской тюрьме периода автономии в Национальном архиве Финляндии // Россия и русистика новейшего времени. Труды международной конференции памяти А. А. Фурсенко (1927–2008). СПб., 2010. С. 225–231; Источники по истории тюремного дела в Великом княжестве Финляндском: официальные материалы и периодика на русском языке // Гельсингфорс — Санкт-Петербург. Страницы истории вторая половина 19 — начало 20 в.: Сборник статей / Под ред. Т. Вихвайнена, С. Г. Кашенко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 41–54; Уголовный кодекс Финляндии 1889 г. как законодательный источник европейской интеграции // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4 (08). С. 218–226; Творцы тюремной реформы. А. Гротенфельт и Н. С. Таганцев // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (1). С. 36–45; Преступление и наказание. Особенности правового положения Великого княжества Финляндского // Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (Санкт-Петербург, 23–25.10.2017). М., 2018. С. 8–17.
- ²⁹ Лучинский Н. Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.). СПб., 1914.
- ³⁰ Зюков А. М. Генезис уголовной этнополитики российского государства в период X–XXI вв. Владимир, 2008. С. 137.
- ³¹ См: Турченко С. Н. Этнонациональная правовая политика России в XIX–XX веках: Историко-правовой аспект: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.
- ³² Печников А. П. Главное тюремное управление российского государства, 1879 — октябрь 1917 г.: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2002.

- ³³ См: Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; Свирский А.И. Погибшие люди. Мир тюремный. Очерки. Изд. 3-е. СПб., 1898.
- ³⁴ Кашкаров П. А. Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России. СПб., 1883. С. 4.

References

- DOBROMY'SLOV V. V. *Inorodcy v Rossii*. Moscow, 1907.
- DYAKIN V. S. *Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike czarizma (XIX — nachalo XX vv.)*. St. Petersburg, 1998.
- GERNET M. N. *Istoriya czarskoj tyur'my'*. T. 3. Moscow, 1961.
- KOPY'LOVSKIJ G. S. К истории национального вопроса в России // Сборник докладов, сделанный на международно-конференции по проблемам зашхиты' от посягательств на национальное равноправие и ответственности за разжигание межнациональной розни, состоявшейся в июне 1992 г. в Санкт-Петербурге / Сост. Ю. М. Шмидт. [Electronic resource] http://www.memo.ru/hr/referats/hatespch/kis_kop.htm (дата обращения 15.11.2019).
- KUSHNIR M. Tyur'ma v Rossii bol'she, chem tyur'ma // *Rodina*. 2006. N 8.
- LAPIN V. V. Nacional'nyj vopros i problema "nadezhnosti" v armii Rossii (XIX — nachalo XX veka) // *Vlast', obshhestvo i reformy' v Rossii v XIX — nachale XX veka: issledovaniya, istoriografiya, istochniki*. St. Petersburg, 2009.
- LUCHINSKIJ N. F. Kratkij ocherk deyatelnosti Glavnogo tyuremnogo upravleniya za pervy'e XXXV let ego sushhestvovaniya (1879–1914 gg.). St. Petersburg, 1914.
- MAKSIMOV S. V. Sibir' i katorga: V 3 ch. St. Petersburg, 1871.
- MALINOVSKIJ. Tyur'ma v gor. L'vove // *Tyuremnyj vestnik* (St. Petersburg). 1916. N 8–9.
- MILLER A. Imperiya Romanovy'h i nacionalizm: E'sse po metodologii istoricheskogo issledovaniya. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2006.
- ORFINSKAYA (KANGASPURO) L. V. Tyuremnoe delo na Ukraine nakanune 1917 goda // "Ukrainskij vopros" i revolyucionny'e sobyt'ya v Rossii 1917 goda: Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii 3–4 oktyabrya 2005 g. St. Peterburg, 2006.
- PECHNIKOV A. P. *Glavnoe tyuremnoe upravlenie rossijskogo gosudarstva, 1879 — oktyabr' 1917 gg.*: Avtoref. dis. ... d-ra yur. nauk. Moscow, 2002.
- Penitenciar'nye uchrezhdeniya v Ukraine v gody' Pervoj mirovoj vojny' // Naukovo-istorichni chitannya prisvyacheni 140-richchyu z dnya narodzhennya M. S. Grushevs'kogo*. 22 grudnya 2006 r. Nizhin, 2007. S. 99–117.
- Prestuplenie i nakazanie. Osobennosti pravovogo polozheniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo // Sbornik statej po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Vojny' i revolyucii 1917–1920: stanovlenie gosudarstvennosti Finlyandii, E'stonii, Latvii i Litvy"* (Sankt-Peterburg, 23–25.10.2017). Moscow, 2018. S. 8–17.
- Sbornik cirkulyarov po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu (1879–1910): V 2 ch.* St. Petersburg, 1911.
- SOCZKIJ YU. F. *Penitenciar'nye uchrezhdeniya Rossijskoj imperii v Ukraine: vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.* // *Gumanitarno-penitenciar'nyj vestnik: nauchno-publicisticheskij al'manax* / Pod obshh. red. Yu. A. Reenta. Vy'p. 6. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2012.
- Spisok licz, sluzhashhih po vedomstvu Ministerstva Vnutrennih del v guberniyah, oblastyah i gradonachal'stvax. Ch. 2. Ispr. po 15 Oktyabrya 1894 g.* St. Petersburg, 1894.
- Spisok chinov tyuremnogo vedomstva*. St. Petersburg, 1908.
- Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1914 g.* Petrograd, 1915.
- SVIRSKIJ A. I. Pogibshie lyudi. Mir tyuremnyj. Oчерки. Изд. 3-е. St. Petersburg, 1898.
- TURCHENYUK S. N. *E'tnonacional'naya pravovaya politika Rossii v XIX–XX vekax: Istoriko-pravovoj aspekt*. Avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. St. Petersburg 2005
- Tyuremnoe delo. Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvodimyj senatorom grafom Palenom K. K.* St. Petersburg, 1910. S. 125.
- YADRINCEV N. M. Russkaya obshhina v tyur'me i ssy'lke. St. Petersburg, 1872.
- ZHURCHALO YA. *Sovremennaya tyur'ma i ee osobennosti*. St. Petersburg, 1910.
- ZYUKOV A. M. *Genezis ugolovnoj e'tnopolitiki rossijskogo gosudarstva v period X–XXI vv.* Vladimir, 2008.
- KASHKAROV P. A. *Obshhaya razrabotka voprosa o neobxodimosti korenno go tyuremnogo preobrazovaniya v Rossii*. St. Petersburg, 1883.

Список литературы

- Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961.
- Добромыслов В. В. Иностранцы в России. М., 1907.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998.
- Журчалю Я. Современная тюрьма и ее особенности. СПб., 1910.
- Зюков А. М. Генезис уголовной этнополитики российского государства в период X—XXI вв. Владимир, 2008.
- Кашкаров П. А. Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России. СПб., 1883.
- Копыловский Г. С. К истории национального вопроса в России // Сборник докладов, сделанных на международной конференции по проблемам защиты от посягательств на национальное равноправие и ответственности за разжигание межнациональной розни, состоявшейся в июне 1992 г. в Санкт-Петербурге / Сост. Ю. М. Шмидт. [Электронный ресурс]. http://www.memo.ru/hr/referats/hatespch/kis_kop.htm (дата обращения — 15.11.2019).
- Кушнир М. Тюрьма в России больше, чем тюрьма // Родина. 2006. № 8.
- Лапин В. В. Национальный вопрос и проблема «надежности» в армии России (XIX — начало XX века) // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источники. СПб., 2009.
- Лучинский Н. Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879—1914 гг.). СПб., 1914.
- Максимов С. В. Сибирь и каторга: В 3 ч. СПб., 1871.
- Малиновский. Тюрьма в гор. Львове // Тюремный вестник (СПб.). 1916. № 8—9.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Орфинская (Кангаспуру) Л. В. Тюремное дело на Украине накануне 1917 года // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года: Материалы международной научно-теоретической конференции 3—4 октября 2005 г. СПб., 2006.
- Пенитенциарные учреждения в Украине в годы Первой мировой войны // Науково-історичні читання присвячені 140-річчю з дня народження М. С. Грушевського. 22 грудня 2006 р. Ніжин, 2007. С. 99—117.
- Печников А. П. Главное тюремное управление российского государства, 1879 — октябрь 1917 г.: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
- Преступление и наказание. Особенности правового положения Великого княжества Финляндского // Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917—1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (Санкт-Петербург, 23—25.10.2017). М., 2018. С. 8—17.
- Сборник циркуляров по Главному тюремному управлению (1879—1910): В 2 ч. СПб., 1911.
- Свицкий А. И. Погибшие люди. Мир тюремный. Очерки. Изд. 3-е. СПб., 1898.
- Соцкий Ю. Ф. Пенитенциарные учреждения Российской империи в Украине: вторая половина XIX — начало XX в. Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах / Под общ. ред. Ю. А. Реента. Вып. 6. Рязань: Академия ФСИН России, 2012.
- Список лиц, служащих по ведомству Министерства Внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. Ч. 2. Испр. по 15 Октября 1894 г. СПб., 1894.
- Список чинов тюремного ведомства. СПб., 1908.
- Статистический ежегодник России 1914 г. Петроград, 1915.
- Турченко С. Н. Этнонациональная правовая политика России в XIX—XX веках: Историко-правовой аспект: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.
- Тюремное дело. Отчет по ревизии Туркестанского края, производимый сенатором графом Паленом К. К. СПб., 1910. С. 125.
- Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

**Л. В. Кангаспуро. Тюремная этнополитика и практика
в Российской империи после Великих реформ**

В предлагаемой статье автор пытается ответить на вопрос, можно ли идентифицировать дискриминацию, неравенство, права и преференциальный режим по отношению к этническим меньшинствам в повседневной практике в пенитенциарных учреждениях в поздней Российской империи. Автор утверждает, что уголовная политика была этнически нейтральной и что этот этнический нейтралитет был включен в практику пенитенциарной администрации на местном уровне. Исследование основано на архивных источниках, мемуарах и периодических изданиях.

Ключевые слова: Российская империя 1860–1917, тюрьма, этнополитика и практика.

**L. V. Kangaspuro. Prison ethno-politics and practices
in the Russian Empire after the Great Reforms**

In this article, the author tries to answer the question whether discrimination, inequality, entitlement and preferential treatment can be identified in relation to minority ethnic in the everyday practices in penal institutions in the later Russian empire. The author claims that penal policies were ethnically neutral and that this ethnic neutrality was incorporated into the practice of penal administrations at the local level. My study is based on the archival sources, memoirs and periodicals.

Key words: Russian Empire 1860–1917, prison, ethno-politics and practice.

Кангаспуро, Лариса Викторовна — к. и. н., научный координатор, Александровский институт, университет Хельсинки, Финляндия.

Kangaspuro, Larisa Viktorovna — PhD, research coordinator, Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland.

E-mail: larisa.kangaspuro@helsinki.fi